

ПРОРВЁМСЯ!

Светлана Владимировна Уланова родилась на Камчатке. Закончила Кузбасский горно-технический и Томский архитектурно-строительный университеты. В настоящее время – горный инженер-маркшейдер на шахте и, по совместительству, одна из организаторов всероссийского фестиваля поэзии им. А.Бельмасова 2013-2016 гг. С 2011 г. – руководитель городской литературной группы «Прометей». Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «Начало века», «БЕГ» и «Русский писатель», «Московский вестник», «Наше поколение» и др. Автор нескольких книг стихотворений. Член Союза писателей России. Живёт в городе Польшаево Кемеровской области.

В город Таня с матерью ехали на колхозном грузовике. Всю дорогу мать повторяла, чтобы Таня во всём слушалась крёстную – тётю Марию, на улице рот не разевала, город не деревня, там людей и машин видимо-невидимо. Что главная обязанность Тани – отовариваться по продуктовым карточкам крёстной, а очереди там длиннющие. И не ленилась чтоб, по дому помогала. Что дядя Иван на фронте, а детей не нажили. Вот и мыкается Мария одна. Таня слушала, слушала... Скорей бы уже приехать к Лёле!

Таня и раньше бывала в гостях у крёстной, которая жила в районном центре – небольшом шахтёрском городке. Муж крёстной, дядя Иван, до войны работал в шахте и зарабатывал хорошо. Потом дядю отправили на фронт, а крёстная окончила курсы горнорабочей и пошла в шахту, на очистной участок – лаву. «На шахте теперь баба – мужик!» –

грустно шутила она. Мама переживала, что Мария не успевает высыпаться от смены до смены. Ладно хоть ей как шахтёру полагалось больше граммов в продуктовых карточках и похлёбка — горячее питание на смене.

— Нинка поди уросит дома-то? Хоть бы Вася с ней сладил! — спохватилась мама, вдруг вспомнив оставленных дома детей. — Одни там, чай, остались... Я тебя передам Марии, да сразу обратно!

Таня кивнула.

— Mam, а тятя скоро приедет?

— Скоро, скоро! Отец твой теперь не литовки в колхозе отбивает, а бомбы катает! Приедет через неделю и тебя заберёт. Хоть с сестрой повидается!

Отца Таня видела дома редко, он с начала войны работал на заводе в соседнем городе.

В деревне скучать тоже было некогда. Работали в огороде, он и спасал, хотя большую часть урожая отсылали на фронт. «Ничего, с голоду не помрём! — приговаривала мама. — Нам тут легче, чем в городе. А на фронте и того трудней!»

На машине из деревни до дома крёстной — двадцать с небольшим километров — проехали быстро. Хорошо, что квартира её не в центре, от большой дороги недалеко!

Мария с радостью встретила крестницу. Мама дальше порога даже проходить не стала, торопилась. Да и грузовик долго ждать не мог.

Утром Мария очень рано подняла крестницу, собираясь

на очередную смену. Показала, где лежат продуктовые карточки, объяснила, как быстрее дойти до магазинчика под мостом, и несколько раз повторила номер в очереди, которую заняла ещё вчера. Потом обняла крестницу и ушла. Таня собралась, похлебала вчерашний суп, приготовленный крёстной, и, достав карточки, стала их разглядывать. На одной из трёх карточек было: «Хлеб. Норма 500 г в день», на других — про макароны и сахар. На всех крупно: «На октябрь 1942 года», посередине — непонятная для Тани надпись: «Рабочие и ИТР 1 катег.», а внизу всех карточек — «При утере карточка не возобновляется». Таня долго, внимательно читала последнее длинное слово по слогам. Быстро оно не проговаривалось. Она положила карточки в карман и вышла на улицу. До магазина было рукой подать, она раньше частенько с мамой и крёстной туда ходила, покупая леденцы и местные «тульские» пряники. И что бы ни говорила мама, Таня истинно верила, что пряники эти точно привозили из далёкой Тулы.

Вот и магазинчик. Таня едва узнала его: всё вокруг было по-другому. Людей много-много! Одни стояли, другие, постарше, сидели на чём придётся. Девочка заняла очередь и огляделась. Вокруг тихо переговаривались. Таня прислушивалась к стоящим рядом и думала, что мама была права и людей здесь, наверное, целая деревня. Таня нащупывала в кармане карточки. Чем ближе она

продвигалась к окошку, тем сильнее пахло хлебом. Таня вспомнила, как мама в позапрошлом году пекла ароматные булочки. А рядом годовалая Нинка — вся в муке. Она стояла у стола на лавке в перевёрнутой вниз сиденьем табуретке, перевязанной маминым чулком, как в клетке. Но зато была под присмотром у матери, и не нужно было Тане с ней возиться.

В какой-то момент Таня загляделась на грязных голодных воробышек. Птицы прыгали возле лужи и слетались к ногам стоящих людей, выискивая еду. Нащупав в глубине кармана несколько завалявшихся семечек подсолнуха, Таня подошла поближе к воробьиной стае и бросила семечки птицам. Воробьи сразу накинулись, быстро всё склевали и ждали добавки. Девочка улыбнулась.

Вдруг около Тани откуда-то появились несколько мальчишек и затеяли потасовку. Потом также неожиданно убежали. По очереди пронёсся недовольный ропот. А Таня подумала: «На вид такие, как Вася, но мой брат другой. Он серьёзный, как тятя».

— Продвигайся! Не задержи очередь! — вдруг услышала за спиной визгливый женский голос, который заставил её вздрогнуть.

Обернувшись, увидела позади себя полную женщину в цветастом платке.

— Спишь, чё ли? Ты чья будешь-то? Вчера я тебя тут не видала...

— Да я нездешняя... К Лёле приехала. Из деревни. У нас там в школе пятого класса нету. Помогаю вот.

— А годков-то тебе сколь? — недоверчиво спросила женщина.

— Двенадцать...

— А сама-то она где, Лёля твоя?

— В лаву ушла. На сутки, сказала...

— Следующий! — прозвучало из окошка магазинчика.

Таня встрепенулась. Это её очередь. Она кинулась к окошку и, опустив руку в заветный карман, похолодела. В кармане было пусто. Карточки исчезли, все! Она в панике стала выворачивать карманы, но обнаружила только сор и шелуху от семечек, которая посыпалась на землю. На шелуху тут же набросились знакомые воробьи в надежде найти съестное. У Тани потемнело в глазах и зашумело в ушах, и она упала бы, если бы её не подхватили чьи-то руки. По щекам покатались слёзы. Она пыталась утереть их, но только размазывала по лицу. «При утере карточка не возобновляется», — стучало в голове. Таня посмотрела под ноги, потом кинулась к луже, где прыгали воробьи. Птицы в испуге разлетелись... Ничего нет!

В очереди понимающе стихли.

— Господи! Что же делается? — нарушила тишину женщина в цветастом платке и протянула свои карточки в окошко. Получив паёк хлеба, отломил кусок и подала девочке.

— Спасибо! — тихо прошептала Таня, подняв на тётеньку полные слёз серые глаза, и неуверенно взяла хлеб. Потом быстро пошла к дому крёстной, не теряя надежды, что карточки выронила по дороге. Она рассматривала каждую бумажку, заглядывала под камушки. Ни-че-го...

В квартире карточек тоже не было. «Всё, потеряла!.. При уте-ре карточка не возобновляется, — пульсировало в висках, — как теперь Лёля жить будет? Нужно бежать домой! Мама, мамочка!»

Таня ещё раз обвела взглядом комнату, достала из кармана подаренный хлеб и, глядя на него, всхлинула. Потом разломала. Маленький кусочек завернула в тряпицу и спрятала в карман, а больший оставила на столе, прикрыв полотенцем. Выбежала из квартиры крёстной и направилась к маме. В деревню.

По городу идти было легко. Дул слабый ветерок. Но он усилился, как только Таня вышла на открытую дорогу. От встречного ветра слезились глаза. Она то и дело вытирала их рукавом выцветшего пальто, но это не помогало. Стояло начало октября. Мать недавно говорила, что октябрь в Сибири такой: то непогодой заждит, то теплом пригреет, а бывает, и снежком пахнёт. Хорошо ещё, что не было дождя, хотя хватило и того, что он шёл несколько дней, превратив дорогу в сплошное месиво. Девочка еле волочила ноги: налишшая на

обувь грязь вперемешку с травой была как кандалы. Материны брезентовые туфли тёмно-зелёного цвета с двумя большими пуговицами хлябали, и приходилось носить их с шерстяными носками, потуже обвязав бечёвкой вместо шнурков. В школе Таня очень стеснялась своих башмаков, но её прежние туфли развалились ещё в прошлом году, а новых не было.

Выбрав сухое место у дороги, она остановилась, заправила выбившиеся русые волосы в платок и начала вытирать обувь о траву. «Что делать, что делать? — рассуждала девочка. — Как сказать Лёле? Она теперь останется без хлеба... Всё из-за меня-я... А вдруг Лёля умрёт с голоду? — Таня ещё больше испугалась своих мыслей. — Нет! Нет!» Обхватив рукой края одежки, где вместо пуговицы чёрным паучком жалко болтались нитки, всхлинула: «Ещё и пуговку где-то потеряла... Мама заругает...» Потом воодушевилась: «Ну и пусть! Пусть ругает! Лёлечка моя-я... Я дойду! Мама всегда знает, что делать!»

Кусты вдоль дороги шелестели разлетающейся осенней листвой и изгибались, принимая на себя порывы ветра, словно хотели защитить путницу. Таня понимала, что до деревни было ещё далеко и нужно успеть до темноты. Достав из кармана кусочек чёрного хлеба, несколько мгновений вдыхала его хлебный дух, потом откусила кусочек. Сразу вспомнила про крёстную: «Надо идти!» Таня шла и шла, а дорога всё тянулась

и тянулась... И казалось, что нет этой дороге конца.

Совсем уставшая девочка с облегчением вздохнула, увидев издали знакомую гору, на которой росли две тонкие берёзки: именно здесь летом она с матерью собирала ягоды. А там, за горой, деревня.

Уже вечерело. Мать мазала обветшалый дом глиной, пока ещё позволяла погода и снова не начались дожди. Нинка, закутанная в мамину шаль, стояла рядом в своей табуретке. Увидев дочь у ворот дома, мама уронила ведро и всплеснула руками:

— Таня?! Что случилось? Ты с кем?

Дочь бросилась к ней и, захлёбываясь слезами, рассказала о потерянных карточках. Нинка тоже заревела.

Продукты собирали всей деревней. Помогли кто чем мог. На следующий день к обеду, выпросив коня в колхозе, погрузили всё в телегу и поехали к Марии в город. Двоюродный дед Михаил, потерявший ногу ещё в начале войны, ловко управлял лошадьёю. До Тани доносились запах дыма от дедовой самокрутки и матерные слова. Дед любил крепко выразиться, и лошадь, наверно, его понимала. Таня морщилась и старалась не слушать. Отец её, в отличие от деда Михаила, никогда не матерился. «Меня, наверно,

материт... Он на войне был... Теперь без ноги... А Лёля из-за меня может умереть...» — Таня прижалась к матери. Дед обернулся: «Не замёрзли? Ноги-то тулупом кутайте! Не лето чай... Скоро приедем!» И подмигнул Тане.

Потом всю дорогу молчали. Каждый думал о своём.

К вечеру подъехали к дому Марии. Не застав её, привязали коня к дереву и стали дожидаться хозяйку. Ждать пришлось долго, часа два или больше, прежде чем они увидели в сумерках знакомую невысокую, худощавую фигуру женщины. Когда крёстная подошла ближе, в свете фонаря Таня заметила, что лицо её осунулось, потемнело. Выразительные глаза в ореоле тёмных кругов казались ещё больше, как печать переживаний и бессонной ночи.

— Лёлочка, милая, прости! Карточки твои... Я не хотела их потерять! — бросилась к крёстной Таня, чуть не запнувшись о мешок с продуктами. — Мы картошку тебе привезли...

— А я тебя ищу... — с дрожью в голосе проговорила Мария, обняв крестницу. Та уткнулась лицом в фуфайку Марии, и обе расплакались. Мать тоже с облегчением заплакала. Стоящий рядом на деревянном протезе дед Михаил закурил свою самокрутку.

— Ну вот, развели мокроту... — проговорил он. — Ничего, дочки, прорвёмся! Обязательно прорвёмся!